Кочиева Алана Гивиевна

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ И ЕГО "ЗАПИСКА О ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ"

В статье приведены краткие биографические сведения об одном из кавказских администраторов середины XIX в., начальнике Терской области Дмитрии Ивановиче Святополк-Мирском и охарактеризован документ, дающий представление о его взглядах на управление регионом. Будучи хорошо знаком с социокультурными особенностями края, Святополк-Мирский проявил себя как последовательный приверженец регионалистских установок в управлении. Свои мысли и предложения по усовершенствованию управления в Терской области он изложил в "Записке о Терской области", где рассматриваются вопросы судопроизводства, деятельности поземельных комиссий, организации местной полиции.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/4-1/29.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 4 (42): в 2-х ч. Ч. I. С. 114-118. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

не утрачивая при этом своих особых, характерных признаков» [2, с. 90]. В связи с этим, нужно с особой осторожностью и неоднозначно подходить к вопросам стилистического характера. В сборнике В. Копыловой «Избранные русские канты XVIII века» к произведениям даны такие комментарии: «...–Захотелось мне младой” – кант близок русским народным хороводным песням, куплет однострофный, с коротким припевом; –Ах, я селезня любила” – напев канта близок русским народным хороводным песням» [3, с. 77]. Как нам кажется, эти комментарии требуют уточнений. Близость канта к хороводным песням, возможно, должна трактоваться с позиции двух процессов: влияние ранних хороводных песен крестьянской традиции на кантовую культуру и влияние кантов, ставших первоисточниками для фольклоризации и последующей трансформации в хороводные (игровые) песни.

Список литературы

1. **Забирова А. Г.** Жанр канта в русской литературе и искусстве последней трети XVII века – первой половины XVIII века: Генезис, эволюция, закат: автореф. дисс. … к. филол. н. Самара, 2000. 140 с.
2. **Келдыш Ю.** Очерки и исследования по истории русской музыки. М.: Советский композитор, 1978. 514 с.
3. **Копылова В.** Избранные русские канты XVIII века. Для хора или ансамбля солистов без сопровождения. Л.: Музыка, 1983. 78 с.
4. **Ливанова Т.** Русская музыкальная культура XVIII века в еѐ связях с литературой, театром и бытом. М., 1952. Т. I. 536 с.
5. **Новикова А.** Русская поэзия XVIII – первой половины XIX в. и народная песня: учеб. пособие по спецкурсу для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». М.: Просвещение, 1982. 192 с.
6. **Новое и полное собрание Российской песни.** В Москве, в Университетской Типографии у Н. Новикова, 1780. № 188. Ч. II. «Породила чечѐточка семерых детей». 208 с.
7. **Чулков М. Д.** Сочинения М. Д. Чулкова. Собрание разных песен. СПб.: Типография императорской академии наук, 1913. № 182. Т. I. «Служил я пану». Ч. III. 779 с.
8. **Щуров В. М.** Жанры русского музыкального фольклора: учебное пособие для музыкальных вузов и училищ. Ч. II. М.: Музыка, 2007. 656 с.

CANTO AS ONE OF SOURCES OF FOLK SONGS OF LITERARY ORIGIN

Kondrat'eva Tat'yana Gennad'evna
Penza Art College
taanyshaa@rambler.ru

The paper tries to investigate the problems of the sources of the folk songs of literary origin. Scientific originality is secured by the choice of material and the nature of its interpretation: for the first time the penetration of canto into folk tradition is investigated by the example of the traditional singing folklore of Penza region. Complex approach in the work allowed revealing not previously identified processes of author’s sources penetration into folk singing tradition; the results achieved during the research allow introducing a new conception of the genesis and further development of the folk songs of literary origin.

Key words and phrases: the Russian canto; songs of literary origin; traditional folklore; penetration; propagation; transformation; folklorization.

УДК 94
Исторические науки и археология

В статье приведены краткие биографические сведения об одном из кавказских администраторов середины XIX в., начальнике Терской области Дмитрии Ивановиче Святополк-Мирском и охарактеризован документ, дающий представление о его взглядах на управление регионом. Будучи хорошо знаком с социокультурными особенностями края, Святополк-Мирский проявил себя как последовательный приверженец регионалистских установок в управлении. Свои мысли и предложения по усовершенствованию управления в Терской области он изложил в «Записке о Терской области», где рассматриваются вопросы судопроизводства, деятельности поземельных комиссий, организации местной полиции.

Ключевые слова и фразы: Д. И. Святополк-Мирский; Терская область; Северный Кавказ; «Записка о Терской области»; поземельные комиссии; местная полиция.

Кочиева Алана Гивиевна
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева
Владикавказского научного центра Российской академии наук
и Правительства Республики Северная Осетия-Алания
alana-moro@mail.ru

ДМИТРИЙ ИВАНОВИЧ СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ И ЕГО «ЗАПИСКА О ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ»©

Дмитрий Иванович Святополк-Мирский известен как талантливый кавказский администратор середины XIX в. Имея значительный военный опыт, накопившийся в боевых действиях российских частей против горцев в ходе Кавказской войны, Святополк-Мирский смог близко познакомиться с общественным бытом местных народов.

© Кочиева А. Г., 2014

Будучи первым начальником Терской области (1861-1863 гг.), он много сделал для административного развития края, зарекомендовав себя как приверженец регионалистских установок. Это проявилось в его уважительном отношении к местным обычаям, терпимости к нравам горцев и стремлении адаптировать общероссийские судебно-административные порядки к местным условиям.

Родился Дмитрий Иванович Святополк-Мирский 13 октября 1825 г. в Санкт-Петербурге в семье князя Ивана Семѐновича и Марцианы Савельевны Святополк-Мирских. Детство он провел за границей с отцом, который был членом акционерного общества «Христианская компания по колонизации и цивилизации Африки» [1]. Когда ему исполнилось 15 лет, он самовольно отправился в Россию. В ту пору он с трудом изъяснялся на русском.

Святополк-Мирский начал военную службу на Кавказе в начале 40-х гг. XIX в. – наиболее сложный для Российской империи период Кавказской войны. Весь боевой путь Дмитрия Ивановича отмечен наградами и знаками отличия, полученными за отвагу и героизм. Вступив в 1841 г. рядовым в егерский полк генерал-адъютанта князя Чернышѐва (впоследствии переименованный в 80 кабардинский полк генерал-фельдмаршала князя Барятинского), Святополк-Мирский участвовал в боевых операциях против дагестанцев и чеченцев. За проявленную доблесть и упорство Святополк-Мирский 1 января 1845 г. был произведѐн в унтер-офицеры и 12 апреля того же года награждѐн знаком отличия военного ордена Святого Георгия [4, д. 39104, л. 1], а уже в июле того же года за отличие, проявленное при взятии штурмом Андийских высот, приказом главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом Святополк-Мирский был произведѐн в прапорщики. С мая 1847 г. Святополк-Мирский находился в составе войск генерал-майора Фрейтага, участвуя в боях возле крепостей Грозной и Воздвиженской. За отличие, проявленное здесь, он был дважды повышен в чине. В январе-феврале 1848 г. Святополк-Мирский в составе отряда Фрейтага участвует в боевых действиях в Малой Чечне; с апреля его командируют в Дагестанский отряд, направленный для осады аула Гергебиль. За взятие Гергебиля Святополк-Мирский получает орден Св. Владимира 4 степени с бантом [Там же, л. 2].

23 июня 1848 г. во время движения колонны генерал-майора Э. В. Бриммера Святополк-Мирский был ранен: как следует из медицинского отчѐта, «пуля вошла несколько ниже правого грудного соска, прошла через правое лѐгкое и остановилась в спине под кожей, откуда через разрез была вынута» [5]. Излечившись от раны, Святополк-Мирский возвращается в строй. Он принимает активное участие в кампаниях 1849 и начала 1850 гг., неоднократно бывая в походах и перестрелках с горцами. В феврале 1850 г. Дмитрий Иванович назначается адъютантом начальника Главного штаба войск на Кавказе генерал-адъютанта П. Е. Коцебу. В июне 1850 г. он получает чин штабс-капитана, а через год, за отличие в делах против горцев в Большой Чечне, – капитана. В следующем, 1851 г. Святополк-Мирский участвует в боевых действиях против горцев на реке Мичик, и 2 июня 1852 г. его производят в майоры.

Наиболее важное назначение Дмитрий Иванович получает 29 сентября 1852 г., став адъютантом главнокомандующего отдельным Кавказским корпусом князя М. С. Воронцова, бывшего кавказским наместником. Святополк-Мирский состоял также в непосредственном подчинении у князя А. И. Барятинского, с которым совершил в 1853 г. повторную боевую экспедицию на р. Мичик. За отличие, проявленное в боях против горцев во время зимней экспедиции в Чечне, 9 января 1853 г. Святополк-Мирский был произведѐн в подполковники [4, д. 39104, л. 3].

В период Крымской войны Святополк-Мирский находился в Александропольском отряде и участвовал в сражениях с турками при Баяндуре и Курюк-Дара. Отвага и мужество Святополк-Мирского были отмечены орденом Св. Анны 2 степени.

В октябре 1854 г. Святополк-Мирского переводят в Тенгинский пехотный полк, но прослужил он там недолго. Когда Н. Н. Муравьѐва назначили главнокомандующим на Кавказе (после ухода М. С. Воронцова в 1862 г.), Дмитрий Иванович публично выступил оппонентом последнего, написав ему громкое письмо в защиту Ермолова и ермоловских порядков [5]. В результате Святополк-Мирский вынужден был покинуть Кавказ. В 1855 г. был переведен в Азовский пехотный полк в Крыму, где в сражении с англо-французами на Чѐрной речке он вновь был ранен, но остался в строю, а за проявленную доблесть был награжден орденом Св. Георгия 4 степени. Распоряжением начальства Святополк-Мирского прикомандировывают к Одесскому егерскому полку, а 11 сентября 1855 г. его назначают командиром пехотного полка генерал-фельдмаршала Дибича-Забалканского.

После окончания Крымской войны Святополк-Мирский вернулся на Кавказ, где с 1858 г. командовал Кабардинским полком, с которым совершил военную экспедицию в нагорную часть Чечни. 12 июля 1858 г. Святополк-Мирского назначают начальником Кумыкского округа, где он получает начальный опыт административной деятельности. 12 апреля 1859 г. Святополк-Мирский был произведен в генерал-майоры и назначен начальником штаба войск в Прикаспийском крае. Тогда же он был зачислен в свиту его величества. В кампании против горцев в 1859 г. он был уже начальником походного штаба Дагестанского отряда генерал-адъютанта барона А. Е. Врангеля и в этом качестве принял участие в штурме знаменитого аула Гуниб [4, д. 39104, л. 5]. После пленения Шамиля и завершения военных действий на Восточном Кавказе Святополк-Мирский становится помощником командующего войсками Кубанской области, генерала Н. И. Евдокимова.

21 сентября 1861 г. Д. И. Святополк-Мирский получает чин генерал-лейтенанта и назначается начальником Терской области.

Прибыв в начале июня 1861 г. во Владикавказ, новый начальник области принялся за добросовестное исполнение своих обязанностей. К началу 60-х гг. XIX в. административное устройство Северного Кавказа приняло, наконец, завершенные формы, что было связано с окончанием военных действий в восточной части региона. Образование в 1860 г. Кубанской и Терской областей соответствовало теперь общероссийскому территориально-административному устройству по областному принципу. Новый порядок управления в созданных

областях, населенных в основном горцами, требовал от администраторов гибкости и опыта управленческой деятельности, чтобы не провоцировать антироссийских выступлений в только что усмиренном крае.

Обладая этими качествами, Святополк-Мирский выступил с предложениями по организации управления во вверенной ему области, которые изложил в «Записке о Терской области». Сама «Записка» представляет собой довольно пространный документ, в котором Д. И. Святополк-Мирский дает свою оценку существовавшему в крае управлению, описывает предпринятые им мероприятия по усовершенствованию административного устройства области и приведения ее в спокойное состояние и кратко излагает ход боевых операций по уничтожению «мятежных шаек» абреков.

Первое, на что он обратил внимание, – это неудобство в управлении, как в военном, так и в административном отношении. Терская область тогда была разделена на шесть округов (Осетинский, Кабардинский, Ингушский, Чеченский, Аргунский, Ичкеринский, Кумыкский и Нагорный), и, находясь во Владикавказе, начальник области был слишком отдален от восточных ее районов, где более всего требовалось его присутствие. При отсутствии быстрой связи с административным центром области начальники округов были предоставлены сами себе, действуя «каждый в своем районе, без общего согласия» [3, д. 16, л. 13]. «Начальник Чеченского округа, самого многочисленного и важного в Терской области, – отмечал Святополк-Мирский в своей ―Записке”, – не имел в своем распоряжении никакой военной силы, кроме тех линейных батальонов, разбросанных для содержания гарнизонов, в укрепленных пунктах. Владикавказский и Кумыкский округа были составлены каждый из трех разных племен, различных между собой языком и обычаями, что представляло неудобство в отношении администрации, и в особенности суда… Гумбетское и Андийское Наибство Ичкеринского округа и Чемалальское Аргунского были слишком удалены от места пребывания окружных начальников и отделены от них естественными преградами местности» [Там же].

И Дмитрий Иванович приходит к неутешительному выводу о «жалком положении» управления туземцами Терской области при существующих условиях. Кроме того, по словам Святополк-Мирского, здесь были и такие аулы, где после покорения края вовсе отсутствовала российская администрация.

«Во всем царствовали беспорядок и своеволие, – пишет дальше Святополк-Мирский. – Преступления совершались без наказания, потому что не только виновные, но и подозреваемые искали спасение в бегстве и присоединялись к шайкам, наполнившим нагорное пространство области. Идея права была откинута как правителями, так и подвластными, и в одной силе искали опоры, как одни, так и другие» [Там же].

Вступив в должность, Святополк-Мирский прежде всего объездил всю Терскую область. Судя по «Записке», это были не просто ознакомительные поездки: повсюду, где пришлось побывать начальнику области, он встречался с местными жителями. Эти встречи много дали не только самому Святополк-Мирскому. Важной задачей администрации, представлявшей российскую власть в новоприобретенных областях Центрального Кавказа, Дмитрий Иванович полагал привлечение местного населения к общероссийской гражданственности. «Государь после покорения Восточного Кавказа считает всех туземцев этого края своими верноподданными и обязан заботиться об их благе», – говорил Святополк-Мирский, убеждая жителей округов, что российское правительство выражает готовность «уважать и сохранять их религию, обычаи и укрепить за ними право поземельной собственности» [Там же, л. 19].

Наиболее сложными с точки зрения управления были Чеченский и Ичкеринский округа, население которых в силу своих социокультурных характеристик с трудом осваивалось в новых политических реалиях, привнесенных российской государственностью. Учитывая эти обстоятельства, Святополк-Мирский особое внимание в своей административной практике уделял чеченцам, которым он объявил, что судьба их зависит от их поведения: «исправьтесь в ваших недостатках – хищничество и своеволие молодежи вашей, злейшие враги ваши, ведущие вас к погибели» [Там же].

По мнению самого Святополк-Мирского, его слова имели огромное влияние на местное население, во многом переломив ситуацию, сложившуюся здесь после окончания военных действий. Доказательством этому он полагал прекращение переселения в Турцию и содействие горцев при уничтожении «мятежных шаек» Уммы и Атабая, провоцировавших новые стычки с российскими военными отрядами.

Предпринятые начальником области меры оказались успешными, и уже в середине декабря 1862 года не только «мятежных шаек», но и отдельных абреков в Терской области не существовало.

Покончив с беспорядками, Святополк-Мирский приступил к решению других насущных проблем.

В 1862 г. после введения в действие «Положения об управлении Терской областью» было утверждено новое разделение Терской области в военном и административном отношении. «Положение» оговаривало также новый порядок судопроизводства и формирования окружных судов, которые должны были действовать одновременно с народными судами. Д. И. Святополк-Мирский выступил с инициативой принятия новых правил как для выбора членов народных судов, так и для организации судопроизводства. Этим вопросам он посвятил отдельные пояснительные записки [2, с. 197-199; 6, д. 6, л. 1-5], где изложил свое видение проблемы. Излагая свою точку зрения, начальник Терской области обстоятельно доказывал важность особого подхода к управлению областью, которая во многих отношениях отличалась как от Дагестанской, так и Кубанской областей. И Святополк-Мирский настаивает на необходимости учета местной специфики в формировании аппарата управления округами, наибствами и более дробными административно-территориальными единицами.

В анализируемой «Записке» он отмечает, что особое внимание администрации было обращено «на выбор лиц для занятия должностей… Законный порядок был основан на строгом определении прав и обязанностей каждого. Но для определения обязанностей туземцев и объяснения их им необходимо было определить их права, как личные, так и поземельные. С этой целью в Кабардинском, Осетинском, Чеченском и Кумыкском

округах были учреждены особые комиссии, имеющие в своем распоряжении межевые средства. Их главной целью было скорейшее определение и укрепление за туземцами права поземельной собственности» [3, д. 16, л. 36]. Но нехватка земель замедляла реализацию этой важной меры.

С целью истребить хищничество – эту «истинную язву», нарушающую постоянное спокойствие Терской области, – была образована постоянная полиция из местных жителей для соблюдения порядка в аулах и безопасности дорог. Подобная стража имела огромные преимущества перед российскими войсками: поскольку такие отряды формировались из представителей самого местного населения, полиция пользовалась гораздо большим авторитетом. Кроме того, небольшие по численности отряды местной полиции были более мобильными, могли быстрее реагировать на беспорядки. И, наконец, немаловажное значение имело то обстоятельство, что действия такой полиции обладали в глазах местных жителей большей правомочностью и легитимностью.

По мысли Святополк-Мирского, в обязанности постоянной полиции входило:

«1. Составлять конвой командующего войсками, начальников отделов, округов и участков, для охраны их безопасности.

2. Полицейский надзор и исполнительная полиция в аулах.

3. Наблюдение за безопасностью дорог и частной собственности вообще» [Там же, л. 37].

Главная польза учреждения внутренней стражи из туземцев, как полагал Святополк-Мирский, состоит в том, что «влиятельная часть туземцев будет связана с властями интересом и будет вынуждена действовать согласно им и увлечет се массы народа в нужном направлении» [Там же].

Подобные меры, по убеждению самого Д. И. Святополк-Мирского, должны были содействовать «полному нравственному преобразованию» вверенной ему области и позволить «основать власть нашу… на нравственном влиянии и доверии туземцев к правительству, имея и употребляя военную силу только в виде вспомогательного средства» и доведя впоследствии Терскую область «до такого состояния, что присутствие здесь российских войск будет лишним» [Там же, л. 18-19].

Покинув Северный Кавказ в связи с назначением кутаисским генерал-губернатором (в этой должности он пробыл с 1863 по 1867 гг.), Дмитрий Иванович использовал опыт, появившийся у него во время управления Терской областью. В эти годы ему пришлось подавить возмущение горцев в Абхазии и ввести в только что покорѐнной стране новое административное и судебное устройство.

В июне 1866 г. за труды «на ниве гражданского управления» Святополк-Мирский был произведѐн в генерал-адъютанты, награждѐн орденами Белого Орла (4 мая 1863 г.) и св. Александра Невского (8 ноября 1866 г.), 30 августа 1870 г. ему были пожалованы алмазные знаки к последней награде. В августе 1873 г. Дмитрий Иванович получает чин генерала от инфантерии. Кроме того, 19 декабря 1869 г. князь Святополк-Мирский был избран действительным членом и почѐтным председателем Кавказского отделения Русского географического общества.

Учитывая несомненные заслуги Д. И. Святополк-Мирского в сфере военно-административной деятельности и его богатый практический опыт, в 1875 г. его назначают помощником Кавказского наместника великого князя Михаила Николаевича. Князь Святополк-Мирский участвовал и в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Находясь при главнокомандующем Кавказской армией, он принимал деятельное участие в планировании и проведении штурма Карса, получив высокие воинские награды: орден св. Георгия 2-й степени за № 108 (ноябрь 1877 г.) и орден св. Владимира 1-й степени с мечами (февраль 1879 г.).

Незаурядный ум, богатый военный и административный опыт, активная гражданская позиция, верность долгу и чести предопределили назначение Святополк-Мирского в 1880 г. членом Государственного совета. В 1881-1882 гг. ему довелось исполнять обязанности командующего войсками Харьковского военного округа и временного Харьковского генерал-губернатора. 14 июня 1895 г. по случаю пятидесятилетия службы в офицерских чинах он был удостоен ордена св. Андрея Первозванного.

Умер Дмитрий Иванович Святополк-Мирский 18 января 1899 г. в Ницце.

Таким образом, краткий обзор военной и административной деятельности Д. И. Святополк-Мирского позволяет говорить о нем как о незаурядном администраторе, проявившем свои лучшие профессиональные качества в переломные для Кавказа годы, отмеченные окончанием Кавказской войны и активным включением Северного Кавказа в административную систему Российской империи. Анализ составленных им документов, в частности, «Записки о Терской области», показывает его приверженность регионалистским взглядам на управление, которые он воспринял от первого кавказского наместника М. С. Воронцова. Основываясь на детальном анализе традиционной специфики горских обществ, Д. И. Святополк-Мирский сумел дать системное обоснование необходимости учета в управленческой практике особенностей самоорганизации кавказских горцев и соотнесения их с общеполитическими задачами империи в регионе.

Список литературы

1. **Из жизни князей Святополк-Мирских** [Электронный ресурс] // Харьковская городская библиотека. URL: http://mtlib.org.ua/Publikation/Svyatopolki.htm (дата обращения: 07.11.2013).
2. **Кобахидзе Е. И.** Два документа об административных преобразованиях в Терской области // Известия СОИГСИ. 2009. № 3 (42). С. 197-199.
3. **Научный архив СОИГСИ.** Ф. 2. Оп. 1.
4. **Российский государственный военно-исторический архив.** Ф. 404. Оп. II.
5. **Святополк-Мирский Дмитрий Иванович – биография** [Электронный ресурс] // Электронный мемориал. URL: http://pomnipro.ru/memorypage3273/biography (дата обращения: 07.11.2013).
6. **Центральный государственный архив РСО-А.** Ф. 12. Оп. 5.

DMITRII IVANOVICH SVYATOPOLK-MIRSKII AND HIS "MEMORANDUM ABOUT THE TEREK OBLAST"

Kochieva Alana Givievna
V. I. Abaev North-Ossetian Institute of Humanities and Social Studies of Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences and Government of the Republic of North Ossetia-Alania
alana-moro@mail.ru

The article presents the brief biographical survey about one of the Caucasian administrators of the middle of the XIX century, the chief of the Terek oblast Dmitrii Ivanovich Svyatopolk-Mirskii and describes the document providing an idea about his views on governing the region. Being competent in the sociocultural specificity of the region, Svyatopolk-Mirskii proved himself to be a consistent follower of regional guidelines in governance. He developed his ideas and proposals on the improvement of administration in the Terek oblast in ―Memorandum about the Terek Oblast", where the issues of legal procedure, land commissions functioning, and local police organization are considered.

Key words and phrases: D. I. Svyatopolk-Mirskii; the Terek oblast; North Caucasus; ―Memorandum about the Terek Oblast", land commissions; local police.

УДК 130.3:17
Философские науки

Автор анализирует философские взгляды и представления о человеческой разумности и ее роли в социальной жизни человека. При этом сравниваются хитрость разума и хитрость социума, проистекающие из сущностей разного порядка и направленные к общей цели – гармоническому сочетанию человека и общества. Автор рассматривает особый результат разумности, который делает каждого человека взаимно открытым перед другими людьми и приводит их всех к преодолению естественной индифферентности через первичные социальные механизмы дружественности и враждебности.

Ключевые слова и фразы: человек; разумность; разум; хитрость разума; социум; хитрость социума; вражда; дружба.

Курбанов Муса Гасангусейнович, к. филос. н., доцент
Дагестанский государственный университет
kurbanovm@mail.ru

ПРОБЛЕМА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ РАЗУМНОСТИ©

Работа выполнена в ДГУ по Проекту 18-С: «Разработка идеологических и психологических основ профилактики экстремизма и терроризма на базе Центра проблем предупреждения экстремизма и терроризма».

Современная наука, при всех своих успехах и достижениях, до сих пор также бессильна в познании человеческой разумности, как и прежде. Это касается и таких феноменов человеческой жизни, как духовность, творчество, свобода, мораль, вера, воля, опыт и других, в которых разумность присутствует в конкретной форме сочетания или господства. Казалось бы, что современный человеческий разум должен был уже давно приучиться к устойчивым способам противостояния иррационалистическим позывам не только диких и инстинктивных сил. Тем не менее, в определенных обстоятельствах эти позывы и силы могут безраздельно преобладать над любыми усилиями разума, если дело касается понимания более глубоких тайн человеческого бытия, перед которыми разум теряет свое господство и могущество. Это относится и к таким проблемам человеческой жизни, которые делают разумность негативной, то есть реализуемой в ущерб самой человеческой жизни. Так, негативная разумность может обнаруживаться в деятельности экстремистов, террористов, фанатиков, для которых нравственная самодостаточность разума теряет свой внутренний смысл, в результате чего разумность становится опасным инструментом насилия. Выбор, сделанный в обход позитивной разумности, пробуждает темные силы, чуждые внутренней природе самого разума. Поэтому можно прямо сказать, что именно инструментализация разума порождает феномен негативной разумности. Теракты свидетельствуют о том, что не только террористическое злодеяние реализуется через негативно-мотивированную разумность, но и сам террорист как «злоумышленник является разумным существом» [2, с. 110], готовым на безумные поступки.

Более того, поскольку разум не всегда и не в любом случае сохраняет безусловный суверенный статус, то следует быть очень осторожным при рассмотрении разумности человека, особенно в ходе исследования его социально-сингулярной и маргинальной реальности, выталкивающей человека на периферию социума. Человек, взятый в отдельности, по определению предполагается разумным существом (*homo sapiens*), но в социальных хитросплетениях разумность человека не столь сильна, чтобы постоянно удерживать свой суверенный статус в противодействии суверенности других людей и связанных с ними обстоятельств, а значит и суверенности всего социума.

© Курбанов М. Г., 2014